

**КУЛАКТАР, БАЙЛАР, ЖАРТЫЛАЙ ФЕОДАЛДАР
(ОРТАШАЛАР), ШАРУАЛАР ҚҰҒЫН-СҮРГІН
ҚҰРБАНДАРЫ РЕТІНДЕ
КУЛАКИ, БАИ, ПОЛУФЕОДАЛЫ (СЕРЕДНЯКИ), КРЕСТЬЯНЕ-
ШАРУА КАК ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ
KULAKS, BAI, SEMI-FEODAL (MIDDLE PEASANTS), SHARUA
PEASANTS AS VICTIMS OF REPRESSION**

МРНТИ 03.20

**ПЕРВИЧНЫЙ ЭТАП ДЕБАИЗАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ:
ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ²**

Жакишева Сауле Аукуеновна^{1*}, Хан Виталий Вячеславович²

¹ Доктор исторических наук, профессор, Казахский Национальный университет им. аль-Фараби. Казахстан, г. Алматы. E-mail: adiconilau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-298X>

² Кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. Казахстан, г. Нур-Султан. E-mail: KhanVitaliy@gmail.com

*Автор-корреспондент

Аннотация. Целью настоящей статьи является иллюстрация первого этапа дебаизации и раскулачивания в Казахстане, признание данного явления и происходивших процессов в качестве политических репрессий. В этой связи авторами отмечаются основные признаки правового понятия «политические репрессии», обоснование которых выстраивается на исторических примерах первого этапа дебаизации, осуществляемого на территории Казахстана. При этом авторами впервые раскрывается последовательность развития процесса дебаизации, определяются причины и последствия данного деструктивного явления в национальной истории, отмечаются нормативные и организационные основы деятельности репрессивных органов, выявляется истинная цель проводимой в жизнь данной политики. Раскрывается сущность понятий «бай», «кулак», дается авторская трактовка периодизации репрессий против аульного и сельского населения республики. Наряду с этим дается правовая оценка происходившим событиям, обосновывается антиправовая деятельность советской власти, попиравшая абсолютные права человека, что позволяет формировать дескрипторы по реабилитации лиц, в отношении которых проводились репрессивные, карательные акции.

Ключевые слова: массовые политические репрессии; дебаизация; конфискация; депортация; бай-«полуфеодалы»; КАССР; антиправовой режим; естественные права человека.

ГТАМР 03.20

**ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ДЕБАИЗАЦИЯНЫҢ
БАСТАПҚЫ КЕЗЕҢІ: СЕБЕПТЕРІ МЕН ШАРТТАРЫ**

Жакишева Сауле Аукуеновна^{1*}, Хан Виталий Вячеславович²

¹Тарих ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті. Қазақстан, Алматы қ. E-mail: adiconilau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-298X>

²Статья подготовлена в рамках реализации проекта OR 11465470 «Массовые политические репрессии в Казахстане в 20-50-х гг. XX в. и процессы реабилитации: создание единой базы данных» при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан.

² Заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы. Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ. E-mail: KhanVitaliy@gmail.com

*Автор–корреспондент

Түйіндеме. Бұл мақаланың мақсаты Қазақстандағы байлармен күрес және кулактардың мүлкін тәркілеудің бірінші кезеңін суреттеу, осы құбылысты және процесіті саяси қуғын-сүргін ретінде тану болып табылады. Осыған байланысты авторлар Қазақстан аумағында жүзеге асырылған байлармен күрестің бірінші кезеңінің тарихи мысалдары негізінде, «саяси қуғын-сүргін» құқықтық ұғымының негізгі белгілерін атап өтеді. Сонымен бірге, авторлар алғаш рет «байлармен күрес» процесінің даму дәйектілігін ашады, ұлтымыздың тарихындағы осы деструктивті құбылыстың себептері мен салдарын анықтайды, репрессивті органдар қызметінің нормативтік және ұйымдастырушылық негіздерін белгілейді, осы жүргізілген саясаттың шынайы мақсатын анықтайды. Республикадағы ауыл тұрғындарына қарсы жүргізілген қуғын-сүргіннің кезеңдеріне авторлық түсініктеме беріле отырып, «бай», «кулак» ұғымдарының мағынасы ашылады. Сонымен қатар, репрессияға, жазалау шараларына ұшыраған адамдарды ақтау үшін дескрипторларды қалыптастыруға мүмкіндік беретін, адамның абсолютті құқықтарын бұзған Кеңес үкіметінің заңға қарсы іс-әрекеттері дәлелденіп, орын алған оқиғаларға құқықтық баға беріледі.

Кілт сөздер: жаппай саяси қуғын-сүргін; дебаизация; бай-»жартылай феодалдар»; ҚАКСР; құқыққа қарсы режим; адамның табиғи құқықтары.

IRSTI 03.20

THE PRIMARY STAGE OF DEBAIZATION IN KAZAKHSTAN: CAUSES AND CONDITIONS

Zhakisheva Saule Aukenovna¹, Khan Vitaly Vyacheslavovich²

¹ Doctor of Historical Sciences, Professor, al-Farabi Kazakh National University. Kazakhstan, Almaty. E-mail: adiconilau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-298X>

² Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. Kazakhstan, Nur-Sultan. E-mail: KhanVitaliy@gmail.com

*Correspondent author

Abstract. The purpose of this article is to illustrate the first stage of debaization and dekulakization (dispossession) in Kazakhstan, the recognition of this phenomenon and the processes that took place as political repression. In this regard, the authors note the main features of the legal concept of “political repression”, the justification of which is based on historical examples of the first stage of debaization carried out on the territory of Kazakhstan. At the same time, the authors reveal for the first time the sequence of the development of the debaization process, determine the causes and consequences of this destructive phenomenon in national history, note the normative and organizational foundations of the activities of repressive agencies, and identify the true purpose of this policy. The article reveals the essence of the concepts of “bui”, “kulak”, gives the author's interpretation of the periodization of repression against the aul and rural population of the republic. The legal assessment of the events that took place is given, the anti-legal activity of the Soviet government, which trampled on absolute human rights, is justified, which makes it possible to form descriptors for the rehabilitation of persons against whom repressive, punitive actions were carried out.

Keywords: mass political repressions; debaization; confiscation; deportation; bai-”semi-feudal”; KASSR; anti-legal regime; natural human rights.

*«Пройдут годы, сменятся поколения, но историческая память
будет вновь и вновь возвращаться к той страшной драме,
когда по воле преступного режима жизнь сотен и сотен
тысяч наших соотечественников утратила смысл и цену».*

Ж. Абылхожин (Абылхожин, 1997: 4)

Введение. Один из важнейших периодов в истории нашей страны связан с первой широкомасштабной акцией советской «социальной инженерии», а именно, с преобразованием социальных систем и структур существовавшего аграрного общества в новые путем коллективизации сельского хозяйства и элиминации (уничтожения) на ее основе «последнего эксплуататорского класса» – байства и кулачества.

Советский безальтернативный эксперимент, разрушивший традиционную сложившуюся структуру аграрной сферы экономики в 20-30-е гг. XX в. обернулся национальной трагедией для Казахстана, где от жестокого террора и массового голода погибло более половины коренного населения республики, а сотни тысяч беженцев были вынуждены покинуть землю своих предков. Поиск конструктивной аграрной политики в республике подменился поиском врагов в лице баев и кулаков. Открытое навязывание такого мышления не только не стабилизировало общую обстановку в стране, но, напротив, привело к усилению конфронтации людей, камуфляжу истинных причин бедственного положения народа, насаждению в массовом сознании идеи о том, что все трудности в сельском хозяйстве сопряжены с существующими институтами байства и кулачества.

Теория обострения классовой борьбы по мере развития социализма, искусственно формировавшая антагонизм между различными имущественными слоями населения, готовившая психологический климат для чрезвычайных мер, а позднее возведение этих мер в систему, и как результат – сведение принципа наказания виновных по справедливости до принципа «максимальной вероятности виновности», привела к искусственному порождению острых классовых конфликтов, гипертрофии функций исполнительных и карательных органов, к попранию элементарных прав человека, нарушению законности и правопорядка, к созданию острой социально–политической напряженности в стране.

В казахской степи, начиная с организованной властями кампании против байства, началось формирование глубокого, почти рефлекторного неприятия права человека на собственность. Декретивно узаконив инспирированное к середине 1920-х гг. противостояние между беднотой и баями, ликвидировав скот и имущество последних, отравив этические взаимоотношения в обществе атмосферой доносительства, официальные власти республики создали прецедент для проведения репрессивной политики в отношении своего народа, провозгласили «справедливое», а на деле нищенское уравнильное распределение жизненных благ.

В казахском ауле в течение многих веков на уровне массового бытового сознания традиционно сложилось представление о бае, как о всяком влиятельном владельце значительного количества скота и движимого имущества. Но фактически к баям причислялись субъекты, выступавшие скорее

персонификаторами высокого авторитета, власти и корпоративной солидарности, а во многом даже и гарантом жизнеобеспечения общины, нежели лицами, олицетворявшими состоятельность и богатство. В рамках общинной корпорации баями назывались лица, в собственности которых количество скота могло варьироваться от незначительного (например, 50 единиц в переводе на крупный) до достаточно большого (до 400 единиц в названном эквиваленте). Это зависело от того, сколько хозяйств кооперировались в минимальной общине на основе принципа дополнительности, и кто из их владельцев обладал большим стадом в сравнении с другими соплеменниками в рамках общины.

Терминология и периодизация проблемы. При раскрытии понятия «бай–«полуфеодал» историографией советского периода 1920-нач. 1930-х гг. стал использоваться широкий спектр подходов, прежде всего в контексте социально-экономических отношений у скотоводов Казахстана, характеризовавшихся как патриархально-феодалы. Введение этой дефиниции приписывалось И. Сталину, который отмечал наличие «патриархально-феодалных отношений» у целого ряда народов, в т.ч. у казахов, «сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт» (Сталин, 1938: 4-5).

Исходя из этого положения термин «бай–«полуфеодал» стал отражать как бы «половинчатость» носителя феодальных производственных отношений, вплотную связанного с родовым бытом и в силу своей «эксплуаторской» сущности заинтересованного в сохранении патриархальных пережитков. В связи с этим официальные советские структуры, внося элементы стадийности в это понятие, считали байские хозяйства носителями полуфеодального уклада.

Но, с другой стороны, данная страта казахского общества еще в период НЭПа начала вовлекаться в сферу функционирования рыночных отношений и потому объективно вставал вопрос о характере их отношения к собственности, товарному обращению, накоплению капитала и наемному труду. Отсюда появилась столь свойственная после кампании по конфискации и выселению так называемых баев– «полуфеодалов» (август 1928 г. – февраль 1929 г.) экстраполяция порожденных реалиями российской деревни дефиниций на казахский традиционный комплекс, когда «бай» стал полностью отождествляться с «кулаком». Отсюда кампания ликвидации эксплуататорских классов в казахстанских ауле и деревне с осени 1929 г. вплоть до установления колхозного строя обусловила специфику края, когда бай и кулаки стали ассоциироваться как единое, хоть и этнически неоднородное целое. Так, в обращении правительства республики к местному населению говорилось, что «рядовой бай есть в каждом хозяйственном ауле, его хозяйство держится на товарно–капиталистической основе, ... и, в основном, такой рядовой казахский бай не отличается от русского кулака» (Ко всем трудящимся Казахстана, 1928: 128).

Подобное биполярное видение в толковании термина «бай» было неслучайным. Рассматривая байские хозяйства в контексте общественно-экономического уклада как хозяйственной системы в рамках одного и того

же общественного социума, следует отметить, что они фиксировались как бы на трех основных уровнях (т.е. занимали вполне определенные социально-экономические и социокультурные ниши) многоукладной экономики. Так, в рамках территориально-производственной общности выделялся слой байских хозяйств с общинным укладом, являвшихся частью общины и функционировавших в рамках общинной кооперации. Вместе с тем, часть их, уровень накопления средств производства (скота) в которых достигал требуемого технологического оптимума и даже значительно превышал его, переставала нуждаться в общинной кооперации, выходила за ее пределы и начинала выступать носителями качественно иной, т. е. запредельной по отношению к общинной структуре, социальной организации производства. По-видимому, эту категорию хозяйств правомерно обозначить как частнособственнический уклад. Что касается частнокапиталистического уклада, то он, как до революции, так и после нее, носил локально- дискретный характер, ибо его развитие блокировалось самой природой абсолютно доминирующей в Казахстане традиционной структуры. Однако следует подчеркнуть, что выделение байских хозяйств на три основных уровня берется условно, так как реальная практика социально-экономических отношений в казахском ауле давала множество различных переходных и симбиозных субуровней общинной, внеобщинной, с известным допуском, частнособственнической, в минимальной степени, частнокапиталистической таксон (Абылхожин, 1991: 6-17, 36-39; Масанов, 1995: 177-211).

Советская историография ранжировала баев на крупных, средних и мелких. Первые попытки их классификации были предприняты экспедицией У. Джандосова и В. Соколовского в 1924-1925 гг. по поручению Казкрайкома ВКП(б) для обследования казахского аула Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской губернии. Они делили бая по различным критериям: на патриархального и капиталистического – по характеру ведения хозяйства, включению в рыночные отношения, найму рабочей силы; имущественному – в зависимости от степени обеспеченности средствами производства, радиусом кочевания, статусно-правовым положением и т. д. (Соколовский, 1926: 30-32).

Понятийно-категориальный аппарат вопроса в контексте традиционных этимологических эквивалентов применительно к доколхозному казахскому аулу нашел свое отражение в более поздних трудах казахстанских историков (Турсунбаев, 1965; Дахшлейгер, 1965: 83, 231; Асылбеков, Галиев, 1991: 85-87; и др.).

Баев–«полуфеодалов» (мыңғыраған бай, шіріген бай, ірі бай, бас бай), использующих докапиталистические институты эксплуатации, ведущих натуральное хозяйство, не- или частично включенных в рынок, они относили к владельцам крупных, богатых хозяйств. К этой же категории относилась часть казахских аульных хозяйств (жуан жұдырық, жуан білек), близких по своему характеру к кулацким. Баи среднего и малого достатка (кеуде бай, орта қол бай, аяқ бай) идентифицировались с зажиточными слоями аула. Характерной чертой этого слоя отмечалось преобладание патриархально-родовых форм эксплуатации над капиталистическими, меньший объем стада и посевов и другие показатели.

В период проведения конфискации и выселения так называемых «баев–«полуфеодалов» в августе 1928 г. советская власть выработала собственные критерии оценки степени богатства, зажиточности и состоятельности байских хозяйств, степени социальной опасности для советской власти (О конфискации байских хозяйств, 1930: 63-65).

Начиная с осени 1929 г. термин «бай–«полуфеодал» практически не упоминается. В русле подготовки кампании по сплошной коллективизации более или менее состоятельных владельцев казахских хозяйств называют просто баями, видимо подразумевая, что с полуфеодалами, также как в русской деревне с полупомещиками, к весне 1929 г. было покончено.

К вопросу о критериях определения термина «середняк», официальная советская власть руководствовалась высказыванием В.И. Ленина, что: «... середняк – это такой крестьянин, который не эксплуатирует чужого труда, не живёт чужим трудом, не пользуется ни в какой мере никоим образом плодами чужого труда, а работает сам, живёт собственным трудом ...» (Ленин, 1969: 236-237). Фактически, в соответствии с этим определением середняка можно представить как крестьянина, владеющего средствами производства, не эксплуатирующего чужой труд и по социально-экономическим признакам стоящего между бедняком и кулаком/баем.

Переходя к термину «кулак», нужно отметить, что, например, Макс Фасмер (1886–1962 гг.) в своем толковом словаре высказывал предположение, что слово восходит к тюркскому *kol* «рука» (Фасмер, 1986: 408). В других трактовках этимология слова была связана с крепко сжатой кистью руки, что в переносном смысле означало процесс, когда сельские богатеи, эксплуатируя крестьян победнее, словно в сжатом кулаке выжимали из них все соки.

Первоначально этим словом обозначали сельского жителя, занимавшегося торговлей и ростовщичеством и наживавшего состояние грабительской эксплуатацией односельчан. Отсюда в Толковом словаре В. Даля (1801-1872 гг.) кулак – это скупец, скряга (жидомор), кремень, крепыш, перекупщик, переторговщик, маклак (уст.) – посредник при мелких торговых сделках, прасол – скупщик мяса и рыбы для розничной, мелочной распродажи, сводчик (особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях) – посредник при финансовых, торговых и т.п. сделках (Даль, 1998).

На уровне народной этимологии кулака называли мироедом (от русс. мир – община). После реформы 1861 г. в России предприимчивые крестьяне, чьи хозяйства начинают называть кулацкими, формируют социально-экономическую нишу аграрной экономики империи в форме частнособственнического уклада.

С конца XIX в. и особенно после столыпинской реформы в российской деревне в условиях нарастающего социального расслоения крестьянства в результате развития в его среде товарно-денежных отношений формируется частнокапиталистический уклад, а кулаки становятся «сельскими буржуа» эпохи первоначального накопления капитала, богатыми крестьянами, систематически использующими наемный труд. Кстати, на это обращал внимание В.И. Ленин, который разделял сельскую буржуазию на два типа:

торгово-ростовщическую в виде кулаков и предпринимательскую (капиталистическую) в виде зажиточных крестьян. При этом он подчеркивал, что первый тип отражает незрелую, переходную форму деревенского капитализма (Ленин, 1974а: 69-70, 169, 177-179, 383).

В советский период происходит некоторая трансформация понятия «кулак» с экономической точки зрения. В период НЭПа партийные бонзы с трибун стали трактовать кулака как собственника, «богатого мужика», фермера капиталистического толка. Но уже в сумеречный период новой экономической политики и позднее, во время ее свертывания кулак становится «врагом народа», «беспощадным эксплуататором середняков и бедняков», а в мае 1929 г. в соответствии с Постановлением СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс Законов о труде» окончательно утверждаются критерии понятия «кулак», а именно, это специальная группа крестьян (в том числе и служители культа – бенефициары нетрудовых доходов), которая систематически применяет наемный труд, имеет мельницы, маслобойни и т.д., сдает в наем помещения, сложные сельхозмашины с механическим двигателем, занимается торговлей, посредничеством и ростовщичеством (ГАРФ, 1944: 17-25).

Говоря о термине «шаруа» (крестьянин), нужно отметить, что к этой категории сельских и аульных жителей относились все, кто имел отношение к разведению сельскохозяйственных животных и возделыванию сельскохозяйственных культур в качестве основного занятия. Например, в казахском обществе рядового крестьянина в народе называли «кара шаруа». Казахи говорили: «Шаруа малымен, ат жалымен корікті». В период репрессий в лексиконе официальных и силовых органов республики часто встречается понятие «жеке шаруа – единоличник».

Периодизация массовой репрессивной политики против байства, кулачества, середняков и простых шаруа представляется следующим образом:

1-й этап – 1928 – до осени 1929 гг.

С января 1928 г. происходит процесс, условно называемый как «самодебаизация», когда в массовом порядке в казахском ауле происходит массовый забой скота, дробление байских хозяйств, угон скота за пределы района проживания, даже за границу, раздача скота родственникам и т.д.). С августа 1928 г. по февраль/март 1929 г. осуществляется массовая кампания против так называемых богатых и зажиточных баев – «полуфеодалов», а также баев, середняков и простых шаруа, являющихся потомками ханских, султанских родов, бывших царских чиновников и т.д., фактически казахской аульной элиты. Дискриминационные действия официальных властей все более политизируются в угоду экономических ограничений.

В апреле-июне 1929 г. практикуется самоликвидация (по терминологии советских властей – самораскулачивание) кулацких хозяйств среди сельского (не казахского) населения (забой, продажа скота, дробление хозяйств, продажа всего имущества и переселение в города или другие селения и т.д.) в связи с хлебо- и мясозаготовками. Одновременно проходит процесс самораскулачивания кулаков в ходе постоянно усиливающегося налогового прессинга.

2-й этап – с осени 1929 г. – 1932 г.

Начало этого периода напрямую связано с разворачивающейся коллективизацией крестьянских хозяйств в СССР, и в республике ликвидация местного кулачества и байства проводится в тесной связи с ней. Наибольшее количество антикрестьянских репрессий приходится на этот период. В широком масштабе применяется не только конфискация и депортация, но расстрельные статьи УК и отправки в лагеря. В декабре 1929 г. официально объявлен переход от политики ограничения кулачества к его полной ликвидации как класса. С января 1930 г. начинается масштабная кампания по практическому уничтожению богатых и зажиточных хозяйств, индивидуальных хозяйств середняков и бедняков (подкулачников, т.е. тех, кто поддерживает кулаков). На этом этапе происходит повторные реконфискации и репрессии, против владельцев хозяйств, пострадавших в 1928 г. С мая 1930 г. и в течение 1931 г. осуществляется «кулацкая ссылка» в Казахстан из всех регионов СССР. В республике, в целом по стране, к концу 1932 г. официально объявлена окончательная ликвидация кулачества и байства как класса в связи с завершением полной коллективизации.

3-й этап – 1933-1935 гг.

Этот этап характеризуется некоторым снижением репрессий против аульного и сельского населения республики в условиях Голода и относительной стабилизации колхозной системы.

4-й этап – 1936-1938 гг.

На этом этапе начинается новая волна чисток в колхозах и совхозах от кулацко-байского элемента среди сыновей, близких родственников ранее репрессированных аульчан и сельчан. Хотя с принятием новой конституции в декабре 1936 г., было зафиксировано положение об полном уничтожении эксплуататорских классов на селе и в ауле, а такие категории как «бай» и «кулак» исключены из законодательных документов как отдельные социально-правовые страты аграрного населения, тем не менее вакханалия расстрельных приговоров среди них приходится на 1937–1938 гг.

Материалы и методы. Основную фактологическую базу проблемы экспроприации казахского байства на первоначальном этапе составил массив документов, отложившийся в специальном фонде Центрального Государственного архива (ЦГА РК) и ранее мало востребованный предшествующими исследователями в силу их ограничительного характера. Обращение к такому массовому источнику, как персональные следственные дела баев, подвергнутых конфискации имущества и высылке из мест постоянного их проживания в 1928-1929 гг., обусловлено тем, что обладая наиболее широким и полным информативным потенциалом, они впервые полномасштабно вводятся в научный оборот и позволяют провести системный анализ социальной природы, роли и места баев в традиционной структуре казахского общества. Совокупность личных дел, сформированных Центральной Комиссией по конфискации имущества баев-полуфеодалов и их высылке при КазЦИКе (ЦГА, Ф. 135, Оп. 1), включающих в себя характеристики, анкеты, сводки по личному делу владельцев хозяйств и членов их семей, формы учета скота и имущества, подлежащего конфискации, переписку государ-

ственных учреждений, протоколы Центральной и окружных комиссий по рассмотрению жалоб и заявлений, позволяют с достаточной достоверностью и репрезентативностью воспроизвести социально-политический портрет репрессированного и модель байского хозяйства в рассматриваемый период.

Кроме того были использованы материалы архивных фондов ЦИК КазАССР (ЦГА РК, Ф. 5) и СНК республики (Ф. 30), Казахского краевого коммунистического союза «Кошчи» (Ф. 769), Народного комиссариата внутренних дел КазАССР (Ф. 40), Центркомиссии по рассмотрению крестьянских жалоб при КазЦИК (Ф. 733) и др. К работе были привлечены законодательные и директивные материалы партийных и советских органов Союза и республики, статьи и речи руководителей КПСС и Советского государства по общим вопросам социалистического строительства и осуществлению коллективизации, статистические издания и другие документы, отложившиеся в Архиве Президента РК (АП РК). Огромный пласт документов был востребован при работе в областных архивах республики.

В исследовании современный конкретно-исторический подход к анализу проблемы ликвидации института байства в республике сочетается с источниковедческой тематикой с новых методологических и методических позиций, в основе которых лежат две важнейшие составляющие – введение в научный оборот закрытых ранее источников массового характера и применение математико-статистических приемов их обработки на основе компьютерных технологий и формирования проблемно-ориентированной базы данных.

Подобный подход существенно расширяет границы историко-сравнительного, структурного и системного анализа в историческом исследовании. Более широкая трактовка данных, содержащихся в личных следственных делах репрессированных в 1928-1929 годах так называемых баев-«полуфеодалов», позволила провести анализ источника на более высоком исследовательском уровне, точнее охарактеризовать тенденции и закономерности процесса конфискации имущества и выселения крупных собственников и «элитной» верхушки казахского доколхозного аула.

Результатом исследования стало открытие новых количественных данных по общему числу конфискованных хозяйств, по категориям конфискации, степени грамотности, влиятельности и авторитета репрессированных баев, степени состоятельности их хозяйств и др., которые послужили в контексте формализации документального материала ранее невостребованных массовых источников доказательством многих положений, высказанных современной отечественной историографией на основе нового концептуального видения проблемы и позволили пересмотреть устоявшиеся в казахстанской исторической науке отдельные положения и выводы.

Результаты исследования. Среди определяющих причин и условий дебаизации в Казахстане на первом этапе репрессий следует отметить следующие.

1. Крайне обострившееся социальное расслоение в ауле и деревне к 1927-1928 г. и очевидное с точки зрения официальных властей апробиро-

ванное ранее перераспределение скота, семенного фонда и хлеба, посевов и имущества среди батрацко – бедняцкого населения страны и республики.

Проведение в жизнь новой экономической политики привело к росту и экономическому усилению так называемых кулацких и байских хозяйств, что стимулировало восстановление экономики аула и деревни в целом по республике. В казахском ауле только наметился процесс осереднячивания, сокращения числа бесскотных хозяйств. Например, удельный вес зажиточных хозяйств, имевших более 50 голов скота (в переводе на крупный), вырос с 0,2% до 1,3 % от общего числа всех крестьянских хозяйств, что с точки зрения воспроизводства предполагало возрождение скотопромышленной отрасли (Материалы к отчету ЦИК КазАССР ...: 18). Наметился значительный импульс в развитии животноводства в республике после падежа скота от джута в 1920–1921 гг. и голодных 1921–1922 гг., когда менее чем за десятилетие стало возможным восстановление в полном объеме животноводческого сектора края, причем по более передовой технологии фуражного откорма.

В республике максимальный уровень поголовья скота и число зажиточных хозяйств пришлось на 1927-1928 г. К кон. 1920-х гг. 93,1 % скотоводческих единиц не могли обеспечить необходимого продукта в рамках собственного хозяйства, в то время как 6,9 % аграрного сектора удерживал в руках основной объем сельскохозяйственного производства. Подавляющее большинство основной массы непосредственных производителей продолжало существовать на уровне выживания или обеспечения минимума жизненных потребностей, что, несомненно, подпитывало негативное отношение к баям и кулакам, крепким середнякам со стороны общественного мнения.

Одним из факторов выхода из создавшегося кризиса руководство страны и республики считало наделение земель и скотом бедняцких хозяйств за счет богатых и зажиточных. Эта идея достаточно откровенно выражена в одной из сакраментальных фраз Ф. Голощекина: «Положение бая сейчас неплохое, надо сделать, чтобы он чувствовал себя хуже; когда бай почувствует себя хуже, это значит бедняцкая масса почувствует себя хорошо» (Отчет Краевого комитета ..., 1927: 75).

2. Доминирующий фактор, определявший социально–политическую ситуацию в аграрной сфере.

В масштабах всей страны союзным руководством коллективизация рассматривалась как один из путей уничтожения самих основ крестьянства как слоя мелких самостоятельных хозяев, являвшихся, по мнению режима, серьезной оппозицией в деле выполнения правительственной программы и превращения их в наемных работников на государственной земле. Создание механизма извлечения из деревни и аула продукции сельского хозяйства становилось возможным по мере уничтожения частной собственности и насильственного перевода индивидуальных хозяйств в колхозы и совхозы.

Зерно, другая сельхозпродукция – это валюта для покупки технологического оборудования для индустриализации страны, обеспечения промышленных рабочих и армии, устойчивость социальной обстановки в городах и промышленных центрах.

3. Планы на экстенсивное расширение посевных площадей для получения дополнительного урожая и увеличения экспорта хлеба предполагалось за счет обращения к земельным просторам Казахстана и Сибири.

Гротескные формы приобрела реализация программы ограничения баев в Казахстане, где далеко идущие политические цели в использовании земельных площадей республики для переселения крестьянских хозяйств из России и развития зернового хозяйства, как средства получения дополнительного урожая, подменились «классовой борьбой против злейшего врага своего народа – бая–полуфеодала». В действительности республика рассматривалась в качестве плацдарма для создания новых колхозов, но кочевническая экономика казахов, где центральной фигурой традиционно были родовые старейшины, представители «белой кости» (ақ сүйек), религиозные деятели и зажиточные степняки, препятствовала увеличению возделывания зерновых и оседанию коренного населения Степного края. Кроме того, нарастающий обороты государственный механизм не обеспечивался четким управлением, учетом и контролем над кочевнической традиционной структурой казахов. Свидетельством вышеизложенного могут служить материалы направленной в 1928 г. ЦИКом СССР в Казахстан специальной экспедиции Всесоюзного Переселенческого комитета под руководством Ф.В. Попова. В качестве основной своей задачи экспедиция ставила «выявление потенциальной возможности различных частей обследуемой территории в смысле развития в их пределах товарно-зернового земледелия» (Состояние сельского хозяйства Казахской АССР..., 1930: 137).

В условиях земельных просторов Казахстана экспедиция усмотрела все возможности проектирования при реорганизации сельского хозяйства особо быстрого перехода от индивидуального распыленного крестьянского хозяйства на коллективные формы, причем по линии переселения планировались такие темпы, чтобы уже в 1930 г. все переселенческие хозяйства были коллективизированы на 100%.

Партийное руководство республики, возглавляемое Ф. Голощекиным, теоретически ясно представляло, что при проведении переселенческих мероприятий и седентаризации коренного населения политикой вытеснения и ограничения баев будет невозможно ограничиться при условии их громадного политического влияния в казахском ауле, поэтому в общем русле применения чрезвычайных мер в отношении к богатым и зажиточным хозяйствам был поставлен вопрос о принудительном изъятии средств и орудий производства у байства и их депортации с мест проживания. В связи с реализацией постановления «О временном распределении сенокосных и пахотных угодий кочевых и полукочевых районов в неземлеустроенных землепользованиях», принятого в мае 1926 г., специальная комиссия крайкома и ЦИК провела всестороннее земельное обследование казахских аулов и выявила комплекс хозяйств, владельцы которых обладали огромным политическим весом в среде аульного населения и являлись потенциальными противниками проводимых партией и правительством аграрных социально-экономических мероприятий. Вслед за перераспределением земли в отношении них последовала акция перераспределения скота и насильственное выселение.

4. Хлебо- и мясозаготовительный кризис в стране.

Принятые на XV съезде ВКП (б) (декабрь, 1927 г.) решения должны были состоять в последовательном и систематическом ограничении потенциальных возможностей и устремлений кулацких и байских хозяйств к стабильному росту и независимости, в вытеснении их экономическими методами. Но в связи с хлебозаготовительным кризисом в 1927-1928 гг. остро встала дилемма, ограничиться ли методами и способами, выработанными в условиях НЭПа и не выходящими за рамки экономического вытеснения, или же использовать чрезвычайные, т. е. насильственные меры. Сталинское руководство в центре и на местах наметило резкий поворот от новой экономической политики к мерам административно-политического порядка; более того, на ее прямой отказ и переход к репрессиям по отношению к зажиточным слоям населения деревни и аула, хотя до декабря 1929 г. раскулачивание нигде не фигурировало как официальный партийный лозунг, более того, имелись вполне определенные директивы против экспроприации. 13 февраля 1928 г. И.В. Сталин в письме к партийным организациям по поручению ЦК ВКП (б) писал: «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т. д. является контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. Нэп есть основа нашей экономической политики и останется таковой на длительный исторический период» (Сталин, 1949а: 15). 20 июня 1928 г. он в письме к членам Политбюро ЦК повторил тезис: «... нельзя бороться с кулачеством путем раскулачивания, как это делают иногда некоторые наши работники на местах» (Сталин, 1949а: 124). Наконец, июльский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП (б) прямо высказался против раскулачивания и понимания чрезвычайных мер как вытекающих из курса партии на усиление наступления на капиталистические элементы. Но, несмотря на официальные заверения руководителя страны на взвешенность и продуманность в подходе к зажиточным и богатым крестьянским хозяйствам, на деле стала проводиться форсированная целенаправленная политика на уничтожение этой части аграрного сектора.

Еще В.И. Ленин в 1919 г. провозглашал, что нужно вести «беспощадную, террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба». В этом контексте любой сельский житель, оказывающий сопротивление политике партии и государства, потенциально являлся врагом народа, так как вся «крестьянская среда настроена по-кулацки».

5. Один из компонентов предлагаемого Ф. Голощекиным «Малого Октября» в Казахстане.

В преамбуле Постановления ЦИК и СНК КАССР от 27 августа 1928 г. отмечалось, что «в Казахской республике, имеющей в своем составе культурно-отсталые национальности, проводимыми до настоящего времени мероприятиями еще не изменены в надлежащей степени старые дореволюционные отношения. Опыт существования советской власти в Казахской республике показывает, что представители имущих классов и бывших привилегированных сословий препятствуют проведению основных мероприятий советской власти в ауле и кишлаке, ведут злостную агитацию, разжигают

межнациональную и родовую рознь, используя при этом родовые отношения и экономическую зависимость бедноты и задерживая тем самым темп экономического и культурного развития республики» (О конфискации байских хозяйств, 1930: 63). Пройдясь «Малым Октябрем» по Казахстану, очистив аульные, районные советы от неформальных аульных лидеров и их приспешников, можно проводить какие угодно реформы при заинтересованной в экспроприации бедноте (в 1928 г. им обещано 60% скота и имущества баев и кулаков передать в их личное пользование, позднее при раскулачивании начала 1930-х гг. – передача реквизированного движимого и недвижимого имущества в неделимые фонды колхозов и совхозов).

6. Антисоветская агитация кулачества и байства в период проведения мясо-и хлебозаготовок, реквизиций, уголовного и административного преследования, арестов, расстрелов и т.д.

Ядром понятия политических репрессий является преследование, расправа с любыми оппонентами авторитарной, тоталитарной власти или говоря иначе, борьба с инакомыслящими. Инструментами борьбы выступают различные способы и средства, начиная от классических уголовных преследований по политическим мотивам, высылка, привлечения к принудительному труду и заканчивая помещением в психиатрические лечебные заведения, привлечения к административной и уголовной ответственности за общеуголовные или террористические правонарушения.

Однако, если установление субъективного признака политической репрессии вызывает затруднение, так как он может иметь имплицитный характер, то экспликация объективных признаков не вызывает особых сложностей, поскольку они всегда связаны с явными нарушениями естественных права человека и прежде всего с дискриминацией по тем или иным признакам. В этой связи дешифрация политических мотивов преследования, в тех случаях, когда узурпаторы пытаются придать им имплицитный контекст, используя в таких ситуациях самые изощренные способы расправы с политическими оппонентами, не составляет особого труда.

Так, политическая расправа с социальными слоями населения, в которых большевистская власть видела своих оппонентов, изначально прикрывалась сознательностью граждан, «яро поддерживающих» марксистско-ленинские идеи построения коммунистического общества, ратуя за строительство нового типа государства. Поэтому, с января 1928 года в казахском ауле происходит процесс «самодебаизация», выражающийся в массовом забое скота, дроблении байских хозяйств, угон скота за пределы района проживания, даже за границу, раздача скота родственникам и т.д.

В августе 1928 года по февраль/март 1929 осуществляется массовая кампания против людей, имевших хоть какую-нибудь собственность, признаваемых властью богатыми и зажиточными слоями населения, с социальной принадлежностью к казахской аульной элиты: баев-«полуфеодалов», а также баев, середняков и простых шаруа, являющихся потомками ханских, султанских родов, бывших царских чиновников и т.д.

В частности, правовой анализ постановления Президиума Всероссийского ЦИК о лишении права на землепользование и проживание в местах

постоянного жительства крупных баев и скотопромышленников с семьями и конфискации имущества (приложение к протоколу № 23 заседания бюро Казкрайкома ВКП(б) от 14 марта 1928 года к пункту 1) позволяет утверждать о наличии в нем нарушений естественного права человека на частную собственность и дискриминацию по социальному признаку. Данное постановление прямо лишает права на землепользование и проживания в местах постоянного жительства баев, манаров и представителей сильных родов, а также бывших привилегированных сословий, объявляя при этом их непримиримыми врагами советской власти. При этом под лишенцами признаются как бы крупные байы и скотопромышленники с семьями, имеющие свыше 100 голов скота в переводе на крупные единицы. Однако данная норма не являлась абсолютной, так как примечание к ней позволяло, как повышать, так и понижать количество поголовья скота. В результате на практике под репрессии, конфискацию всего имущества (сельскохозяйственного инвентаря, скота, строений, юрт и пр.) попадали не только крупные байы, но и мелкие собственники, а также владельцы нескольких видов предпринимательской деятельности (сельское хозяйство и промысловое занятие) (Постановление Президиума Всероссийского ЦИК о лишении ..., 2013: 344-347).

Примером вариативности развертывания положений о нормах конфискации может служить докладная записка Казкрайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) «О конфискации средств и орудий производства у крупных байских хозяйств и лиц из бывших привилегированных сословий и родовых групп» от 15 мая 1928 года, в которой одновременно нагнеталась нетерпимость к лицам, имевшим частную собственность, а также ранее привилегированным сословным группам и, тем самым, обосновывалась необходимость их обезоруживания путем лишения скота как основного средства производства и накопления имущества через определения норм, позволяющим при наличии спорных признаков решить вопрос о допустимости применения мер по конфискации. Таким образом нормы поголовья скота были снижены до 50 единиц (Докладная записка ..., 2013: 347-358), что позволило расширить категорию лиц, подлежащих дискриминации и репрессии по экономическому и социальному признакам.

На первоначальном этапе нормативным обеспечением изъятия абсолютного права собственности, а также проявления экономической и социальной дискриминации стало постановление ЦИК и СНК КАССР «О конфискации байских хозяйств» от 27 августа 1928 года, согласно которому экспроприации подвергались владельцы хозяйств с разным уровнем состоятельности по всей республике, за исключением Адаевского округа, хлопководческих районов бывших Джетысуйской и Сыр-Дарьинской губерний и Кара-Калпакской автономной области, выселению те наиболее крупные скотоводы из коренного населения, которые, сохраняя полуфеодалные, патриархальные и родовые отношения, своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аула.

Для общего руководства конфискацией и выселением баев в республике и на местах были образованы комиссии: а) центральная и б) окружные (при окружных исполнительных комитетах (ОкрИК), в состав которых

входили представители органов ГПУ, союзов Кошчи и работников земли и леса. Представители прокуратуры привлекались к работе с правом совещательного голоса.

В компетенцию ОкРиКов входило лишение выселяемых лиц права на проживание и ведение хозяйства в районах их прежней деятельности, проведение мероприятий по их выселению, а также распределение конфискованного имущества. Практической работой на местах должны были заняться районные комиссии при районных исполнительных комитетах (РИК) при содействии ОГПУ и милиции. Срок проведения выселения был определен не позднее 1 ноября 1928 г.

Конфискации и выселению подлежали:

«а) баи, имеющие в переводе на крупный скот в кочевых районах свыше 400 голов, в полукочевых свыше 300 голов скота, которые являются социально-опасными в силу кабального характера их отношений к окружающему населению или, пользуясь родовыми привилегиями и экономическим господством, препятствуют проведению мероприятий по советизации аула;

б) лица, имеющие количество скота, в переводе на крупный, хотя и меньше указанной выше нормы, но признанные местной властью социально-опасными, в силу условий, указанных в литере «а», и

в) лица, принадлежащие ранее по своему положению к привилегированным группам, как-то: султанские, ханские потомки, бывшие несменяемые волостные управители, получившие от царского правительства особые награды, т. е. звания личных или потомственных граждан, медали и другие знаки отличия за усердную службу или особые грамоты о предоставлении им тех или других привилегий и преимуществ, причем эти лица подлежат выселению вне зависимости от их имущественного положения».

Лица, подпадавшие под пункт «а», проходили по 1-й, под пункты «б» и «в» – по 2-й группе конфискации и выселения, автоматически они и члены их семей лишались избирательных прав.

Кроме скота, согласно декрету, в байских хозяйствах конфисковывался сельхозинвентарь, транспортные средства, предметы ювелирного и ковроткаческого искусства. В собственность выселяемым владельцам хозяйств и членам их семей определялась норма средней ценности скота и одна юрта (О конфискации байских хозяйств, 1930: 63).

В ноябре 1927 г. VI Всеказахстанская партийная конференция сочла вопрос о ликвидации байских хозяйств назревшим. В декабре 1927 г. была образована комиссия для разработки проекта закона о конфискации, которая к марту представила его для ознакомления и уточнения вышестоящим местным и союзным инстанциям. 3 мая 1928 г. ЦК ВКП(б), заслушав доклад Казахского краевого комитета партии о состоянии и работе республиканской парторганизации, дал четкую директиву на проведение радикальных мероприятий против бая в ауле. В «Особом постановлении» было подчеркнуто, что «в целях борьбы с экономическим и политическим влиянием крупных скотоводов, а также лиц из бывших привилегированных сословий (хозяев, султанов и т. п.), считать необходимым провести конфискацию имущества и выселение наиболее крупных скотоводов и лиц, принадлежащих

к вышеуказанным группам... Обязать Казкрайком в месячный срок представить в ЦК подробные предложения по этому вопросу» (Кучкин, 1962: 263).

Выполняя директиву центра, краевой комитет партии во второй половине мая 1928 г. представил в ЦК «Докладную записку по вопросу о конфискации средств и орудий производства у крупных байских хозяйств и лиц из бывших привилегированных сословных и родовых групп», который санкционировал намеченные основные мероприятия по ликвидации байства как класса. 15 августа 1928 г. была создана Центральная комиссия для непосредственного руководства кампанией. Ее возглавил председатель КазЦИК Е. Ерназаров, в состав комиссии вошли руководящие работники республики – У. Исаев, Г. Тогжанов, У. Джандосов, Н. Нурмаков и др. К работе комиссии были подключены представители Востотдела Полномочного представительства Главного Политического управления по Казахстану (ПП ОГПУ), практически имевшие неограниченные права. По всей республике на основании секретных данных работников ОГПУ, информаторов местных советских и партийных органов началось составление списков и учет имущества баев, в том числе и бывших царских чиновников, потомков ханских и султанских родов, религиозных служителей, обладающих авторитетом и большим влиянием среди населения.

Безусловно, мероприятия, проводимые партийной организацией республики, стали известны в аулах. Связанные с конфискацией слухи побудили аульное казахское население – и баев, и середняков – принять превентивные меры. Началась массовая распродажа и убой скота. Некоторые зажиточные владельцы хозяйств отгоняли стада в глухие, скрытые места, в сопредельные с Казахстаном регионы – в Китай, Узбекистан, Сибирь и др., стали прятать ценности. Со всех концов Казахстана посыпались сигналы о поднявшемся в ауле ажиотаже. Объявленное в газетах «Енбекши казак» и «Советская степь» обращение правительства к трудящимся республики предписывало местным советским органам в соответствии с духом администрирования того времени, привлекать к строгой ответственности «распространителей ложных и дезориентирующих слухов», а к владельцам хозяйств, допускающим порчу или уничтожение скота, применять соответствующие статьи Уголовного Кодекса (Советская степь, 1928).

Обсудив создавшееся положение, бюро Казкрайкома 20 июня 1928 г. высказалось за немедленное издание закона о конфискации. Президиум КазЦИК дал пояснительную корректировку, что реформа касается только крупнейших полуфеодальных байских хозяйств, закабаляющих трудовое население аула и явно враждебных Советской власти, что мелкие баи и зажиточные скотоводы, а тем более середняки могут оставаться спокойными за свой скот и имущество. В связи с угрожающим характером уничтожения скота вновь последовало обращение КазЦИК – «Всем трудящимся Казахстана», в которой говорилось: «Последнее время антисоветскими элементами распространяются провокационные слухи о характере предполагаемой конфискации имущества байских хозяйств. Под влиянием этих слухов наблюдаются случаи распродажи скота даже трудовыми скотоводческими хозяйствами, что влечет за собой недопустимое ослабление этих хозяйств

и создает угрозу дальнейшему успешному развитию народного хозяйства. Президиум КазЦИК извещает всех трудящихся Казахстана о том, что разработка закона о конфискации ведется в направлении выселения и конфискации имущества тех наиболее крупных байских хозяйств, которые на 1 апреля 1928 г. имели тысячные стада (несколько сот голов в переводе на крупные) и являются явно враждебными Советской власти» (Советская степь, 1928а).

В начале сентября 1928 года в аулы стали прибывать уполномоченные окрисполкомов. В каждом ауле, где производилась конфискация, создавались комиссии содействия, в задачи которых входило: помощь в организации учета и охраны конфискованного скота и имущества, наблюдение за их распределением, практическая помощь окр- и райкомиссиям при проявлениях противодействия со стороны выселяемых баев, разъяснение аульным массам постановлений и инструкций партии и правительства. Директивы краевого центра - декрет и инструкции правительства - были «проработаны» в районных парторганизациях с целью разъяснения значения декрета среди бедняков и батраков. Среди казахского населения находились «доброжелатели», проявившие активность не только при конфискации, но и позже, при проведении сплошной коллективизации, и получившие меткое в народе прозвище – шолак бельсенді (куцые активисты).

Такая политика закономерно привела к сопротивлению баев, воплощаемому в жизнь произволу советов, презренно попирающих естественные права человека. Сопротивление баев проводимым конфискациям и выселению первоначально выражалось в правовой форме в виде жалоб в высшие инстанции, пассивном противодействии аулсоветам. Скот раздавался родственникам, аульчанам, в близлежащие русские поселения, угонялся за границы республики. Но подобные выступления жестко пресекались антиправовыми методами сотрудниками милиции и ОГПУ, одним из которых являлось помещение недовольных в исправительные дома под арест. Вполне естественно, что на фоне антиправовых мер, со стороны баев и кулаков стали предприниматься попытки открытых вооруженных столкновений с официальными органами, что по своей правовой природе также относится к реализации естественного права человека.

Следует отметить, что первое определение естественных и неотъемлемых прав человека на декларативном уровне нашло свое закрепление во французской Декларации права человека и гражданин, ставшей ответом на их забвение и пренебрежение. Следует отметить, что в истории человечества презрение естественных, неотчуждаемых и священных прав человека всегда являлось единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительства, что также нашло свое отражение во французской Декларации. Естественными и неотъемлемыми правами человека в Декларации определялись: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению (Декларация прав человека ..., 1989: 26-29).

В дальнейшем указанные права получили признание естественных прав человека и закрепление на конвенциональном уровне во Всеобщей декларации прав человека, в которой отмечается необходимость охраны прав

человека властью закона в целях обеспечения того, чтобы человека не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения. По этой причине нельзя признать правовой, а, следовательно, законной репрессивную деятельность подкрепленную отдельными постановлениями ЦИК и СНК КАССР от 13 сентября 1928 года «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодалного байства» и от 17 октября 1928 года «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению полуфеодалного крупнейшего байства» предусматривавших кардинальные меры по пресечению любых попыток владельцев хозяйств противодействовать репрессиям (ЦГА РК, 74: 583)

В отдельных случаях предусматривалась и высылка за пределы Казахстана. За неподчинение постановлению от 27 августа 1928 года, за сопротивление и организацию сопротивления конфискации и выселению и за все другие виды противодействия этим мероприятиям, виновные привлекались к уголовной ответственности по соответствующим статьям Уголовного Кодекса о преступлениях государственных и против порядка управления, что также носит неправоовой характер.

20-21 сентября 1928 года в экстренных выпусках центральных и окружных газет были оглашены списки выселяемых баев по 1-ой и 2-ой группе. В Окрики, прокуратуру, Центркомиссию, ЦИК республики и Союза посыпались жалобы владельцев выселяемых хозяйств и членов их семей на противоправные действия уполномоченных и райкомиссий по конфискации, проводящих искусственное объединение нескольких хозяйств родственников при недостатке скота до нормы, приписывающих к их характеристикам враждебное отношение к Советской власти и т.д. Но, несмотря на это, конфискация и выселение были проведены к 11 ноября, хотя разборы жалоб фактически закончены только к декабрю 1928 года - февралю 1929 года.

В решении ЦИК и СНК Казахстана от 24 ноября 1928 года отмечалось, что конфискацию имущества баев и лиц, ранее принадлежавших к привилегированным группам, проводившуюся на основании постановления ЦИК и СНК КАССР от 27 августа 1928 года считать законченной, а Центральную комиссию по конфискации, а также и все местные комиссии, организованные для проведения декрета с 1 декабря 1928 года распустить (Систематическое собрание законов ..., 1930: 89).

Согласно данным Центркомиссии по конфискации выселению и принудительному изъятию скота и имущества подверглись 696 крупных собственников, бывших волостных управителей и потомков ханских и султанских родов, представлявших опасность для режима. Из них 80,75% от общего числа прошли по 1-ой группе конфискации, по 2-ой – 19,25%. На самом деле эти цифры были искажены, их было более тысячи (1053 хозяйств), причем по 1-ой категории были экспроприированы 65,71% , а по 2-ой – 34,29%. Это было связано с двумя факторами: во-первых, чтобы обеспечить спущенные сверху плановые показатели, районные и окружные комиссии по конфискации повсеместно применяли практику искусственного объединения в одно хозяйство нескольких хозяйств ближайших родственников в случае нехватки

ки у них скота до контрольной цифры; во-вторых, они стали с первых же дней акции производить замену категорий конфискации в пределах одного хозяйства из-за малочисленности поголовья или замену отдельных хозяйств другими, как по первоначальным, так и по скорректированным спискам. Например, если КазЦИК удовлетворял ходатайство об отмене конфискации в силу определенных причин (из-за искаженных фамилий однофамильцев в ходе пересылки телеграмм-распоряжений, отсутствия в ауле ошибочно названных в списках баев и др.), окркомиссиям незамедлительно поступала команда найти «подходящие кандидатуры» для заполнения образовавшихся «вакансий». В оперативном порядке уполномоченными по конфискации и партиейкой проводились на местах собрания батраков и бедняков, на которых предлагались новые фамилии. На фоне поощряемой властями атмосферы доносительства, зависти, карьеристских побуждений и просто сведения счетов, тем более подкрепленной официальным обещанием передать во владение беднякам 70% конфискуемого скота и имущества «обреченных», недостатка в подобных кандидатурах не было. Нередки были случаи, когда байской семье, хозяйство которой уже было конфисковано, выдавалось помеченное задним числом удостоверение о высылке, хотя их следственное дело еще только рассматривалось вышестоящими инстанциями.

Наряду с богатыми и зажиточными хозяйствами (51,4% от общего числа), конфискации и выселению подверглись среднеобеспеченные (37,2%) и маломощные хозяйства (11,4%).

И, разумеется, очень сложно представить политические репрессии без преследования образованной части населения, интеллигенции, которая всегда понимает сущность и последствия происходящих событий, а, следовательно, является камнем преткновения в достижении волюнтаристических решений. Действительно, среди владельцев конфискованных хозяйств более 70% были грамотны, а 6% из них имели высшее «богословское» и светское образование. Основанием для экспроприации баев являлись прежняя служба в царской администрации (не только в качестве волостных управителей), «аристократическое» происхождение, участие в оппозиционных партиях. В списки репрессированных, вопреки официальному декрету, попали аулстаршины и бии – представители родовой знати («черная кость»), священнослужители, бывшие толмачи, писари и др. мелкие чиновники колониальной администрации. Более того, в список репрессированных попали 3% скотоводов непосредственно участвовавших в установлении Советской власти в республике.

Заключение. Ядром правового понятия «политические репрессии» является деятельность, направленная на подавление, уничтожение оппозиции мерами и средствами государственного принуждения. И поскольку применение мер государственного принуждения в таких ситуациях выходит за рамки права, то они всегда связаны с попиранием, прежде всего, абсолютных прав человека, а также содержит в себе элементы дискриминации по тем или иным признакам.

Первый этап дебаизации в Казахстане связан с определением «главного врага», оппонента действующей власти, способной оставаться независи-

мой от нее и противостоять ее идеологической машине. По этой причине процесс дебаизации решал две основные подцели: лишить экономической независимости, средств существования, производства и накопления, и снизить уровень образованности среди местного населения, составлявшей, по мнению властей, высокую степень социальной опасности для Советской власти. Вместе с тем под гребень экспроприации попали не только богатые и зажиточные хозяйства, но и среднеобеспеченные и маломощные хозяйства, что естественным путем отразилось на продовольственном достатке и обеспечении технологического оптимума производства, увеличения бедности и трудовой занятости среди населения, экономической стабильности республики.

Поиск любых оснований, законных/незаконных, для конфискации имущества приводивший к обнищанию местного населения, привел не только к экономическому упадку государства, но и поставил его народ в состояние выживания. Такой произвол и несправедливость заставила людей прибегнуть к самой крайней мере, реализации естественного права человека на сопротивление угнетению, в пассивной форме (побег), в активной - восстание против тирании.

Список литературы и источников

Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.). – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 240 с.

Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX в. – Алматы, ун-т «Туран», 1997. – 360 с.

Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980). – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 192 с.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 9414. - Оп. 1. - Д. 1944.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. - М. : Рус. яз., 1998. –Т. 2: И-О. - М. : Рус. яз. - 779 с. // Сайт «Азбука». – URL: Кулак – Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Буква К (azbyka.ru) (дата доступа – 06.03.2022).

Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 536 с.

Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. – М., 1989.

Докладная записка Казкрайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) «О конфискации средств и орудий производства у крупных байских хозяйств и лиц из бывших привилегированных сословий и родовых групп» от 15 мая 1928 года // Трагедия казахского аула. 1928-1934: Сборник документов / Сост. А.С. Зулкашева (ответств.), Г.Т. Исахан, Г.М. Каратаева. – Алматы: Раритет, 2013. С. 347-358.

Ко всем трудящимся Казахстана. Ко всем аульным батракам, беднякам и середнякам // Народное хозяйство Казахстана. – 1928. – № 8-9.

Кучкин А.П. Советизация казахского аула. 1926–1929 гг. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. – 430 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 5-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. – Т. 38. Март-июнь 1919.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 3. – 792 с.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. – Алматы: Социнвест – М.: Горизонт, 1995. – 320 с.

Материалы к отчету ЦИК КазАССР на 3 сессии ВЦИК 13 созыва. – Кзыл-Орда, 1928. – 138 с.

О конфискации байских хозяйств // Систематическое собрание законов Казахской АССР, действующих на 1 января 1930 г. (6 октября 1920 г. – 31 декабря 1929 г.). – Алма-Ата: Упр. Дел. СНК КАСР, 1930. – 224 с.

Отчет Краевого комитета VI Всеказахстанской партконференции. – Кзыл-Орда, Политиздат, 1927. – 120 с.

Постановление Президиума Всероссийского ЦИК о лишении права на землепользование и проживание в местах постоянного жительства кулаков и скотовладельцев с семьями и конфискации имущества // Трагедия казахского аула. 1928-1934: Сборник документов / Сост. А.С. Зулкашева (ответств.), Г.Т. Исахан, Г.М. Каратаева. – Алматы: Раритет, 2013. – С. 344-347.

Систематическое собрание законов Казахской АССР, действующих на 1 января 1930 г. (6 октября 1920 г. – 31 декабря 1929 г.). – Алма-Ата: Упр. Дел. СНК КАСР, 1930. – 224 с.

Советская степь. – 1928. – 22 мая.

Советская степь. – 1928. – 8 августа.

Соколовский В.Г. Казахский аул. К вопросу о методах его изучения государственной статистикой на основе решений V-й Всеказахской Партконференции и 2-го Пленума Казкрайкома ВКП(б)/ Предисловие У. Джандосова. – Ташкент, КазЦСУ, 1926. – 60 с.

Состояние сельского хозяйства Казахской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казахской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год) / под ред. Ф. В. Попова. – М.: Переселенческий комитет, 1930. – 192 с.

Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утверждённые ЦК партии //Марксизм и национально-колониальный вопрос. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1938. – 232 с.

Сталин И.В. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1949. – Т.11. – 381 с.

Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. – 326 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах/ Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. II (Е-Муж). – 1986. – 672 с.

Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). – Ф. 74. – Оп. 4. – Д.583.

ЦГА РК. – Ф. 135. – Оп.1. –Д. 29–923.

References

Abylhozhin ZH.B. Tradicionnaya struktura Kazahstana: social'no– ekonomicheskie aspekty funkcionirovaniya i transformacii (1920–1930 gg.). – Alma-Ata: Fylym, 1991. – 240 s.

Abylhozhin ZH.B. Ocherki social'no–ekonomicheskoy istorii Kazahstana. HKH v. – Almaty, Un– t «Turan», 1997. – 360 s.

Asylbekov M.H., Galiev A.B. Social'no–demograficheskie processy v Kazahstane (1917– 1980). – Alma-Ata: Fylym, 1991. – 192 s.

GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii). – F. 9414. On. 1. D. 1944.

Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : V 4 t. - M. : Rus. yaz., 1998. –Т. 2: I-O. - М.: Rus. yaz. - 779 s. // Sajt «Azbuka». – URL: Kulak – Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka V.I. Dal'ya. Bukva K (azbyka.ru) (data dostupa – 06.03.2022).

Dahshlejger G.F. Social'no–ekonomicheskie preobrazovaniya v aule i derevne Kazahstana. – Alma-Ata: Nauka, 1965. – 536 s.

Deklaraciya prav cheloveka i grazhdanina ot 26 avgusta 1789 goda // Francuzskaya Respublika: Konstituciya i zakonodatel'nye akty. – M., 1989.

Dokladnaya zapiska Kazkrajcoma VKP(b) v CK VKP(b) «O konfiskacii sredstv i orudij proizvodstva u krupnyh bajskih hozyajstv i lic iz byvshih privilegirovannyh sosslovij i rodovyh grupp» ot 15 maya 1928 goda // Tragediya kazahskogo aula. 1928-1934: Sbornik dokumentov / Sost. A.S. Zulkasheva (otvetstv.), G.T. Isahan, G.M. Karataeva. – Almaty: Raritet, 2013. – S. 347-358.

Ko vsem trudyashchimsya Kazahstana. Ko vsem aul'nym batrakam, bednyakam i serednyakam // Narodnoe hozyajstvo Kazahstana. – 1928. – № 8–9.

Kuchkin A.P. Sovetizaciya kazahskogo aula. 1926–1929 gg. – M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1962. – 430 s.

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. / V. I. Lenin; In–t marksizma–leninizma pri CK KPSS – 5-e izd. – M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1969. — T. 38. Mart - iyun' 1919.

Lenin V.I. Poln. sobr. soch. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1974. T. 3. – 792 s.

Masanov N.E. Kochevaya civilizaciya kazahov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva. – Almaty: Socinvest – M.: Gorizont, 1995. – 320 s.

Materialy k otchetu CIK KazASSR na 3 sessii VCIK 13 sozyva. – Kzyl-Orda, 1928. – 138 s.

O konfiskacii bajskih hozyajstv // Sistematicheskoe sobranie zakonov Kazahskoj ASSR, dejstvuyushchih na 1 yanvarya 1930 g. (6 oktyabrya 1920 g. – 31 dekabrya 1929 g.). – Alma–Ata: Upr. Del. SNK KASSR, 1930. – 224 s.

Otchet Kraevogo komiteta VI Vsekazahstanskoj partkonferencii. – Kzyl-Orda, Politizdat, 1927. – 120 s.

Postanovlenie Prezidiuma Vserossijskogo CIK o lishenii prava na zemlepol'zovanie i prozhivanie v mestah postoyannogo zhitel'stva kurpnyh baev i skotopromyshlennikov s sem'yami i konfiskacii imushchestva // Tragediya kazahskogo aula. 1928-1934: Sbornik dokumentov / Sost. A.S. Zulkasheva (otvetstv.), G.T. Isahan, G.M. Karataeva. – Almaty: Raritet, 2013. – S. 344-347.

Sistematicheskoe sobranie zakonov Kazahskoj ASSR, dejstvuyushchih na 1 yanvarya 1930 g. (6 oktyabrya 1920 g. – 31 dekabrya 1929 g.). – Alma-Ata: Upr. Del. SNK KASSR, 1930. – 224 s.

Sovetskaya step'. – 1928. – 22 maya.

Sovetskaya step'. – 1928. – 8 avgusta.

Sokolovskij V.G. Kazahskij aul. K voprosu o metodah ego izucheniya gosudarstvennoj statistikoj na osnove reshenij V–j Vsekazahskoj Partkonferencii i 2–go Plenuma Kazkrajcoma VKP(b)/ Predislovie U. Dzhandosova. – Tashkent, KazCSU, 1926. – 60 s.

Sostoyanie sel'skogo hozyajstva Kazahskoj ASSR, puti ego reorganizacii i perspektivy pereseleniya (po materialam obsledovaniya Kazahskoj ASSR ekspedicii VPK CIK SSSR za 1928 god) / pod red. F. V. Popova. – M.: Pereselencheskij komitet, 1930. – 192 s.

Stalin I.V. Ob ocherednyh zadachah partii v nacional'nom voprose. Tezisy k H s'ezdu RKP(b), utverzhdyonnye CK partii //Marksizm i nacional'no–kolonial'nyj vopros. – M.: Gos. izd– vo polit. lit-ry, 1938. – 232 c.

Stalin I.V. Sochineniya. – M.: Gospolitizdat, 1949. – T.11. – 381 s.

Tursunbaev A.B. Pobeda kolhoznoho stroya v Kazahstane. – Alma– Ata: Kazgosizdat, 1957. – 326 s.

Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 tomah/ Maks Fasmer; per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. – 2-e izd., stereotipnoe. – M.: Progress, 1986–1987. – T. II (E–Muzh). – 1986. – 672 s.

Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan (CGA RK). – F. 74. – Op. 4. – D.583.

CGA RK. – F. 135. – Op.1. – D. 29-923.